

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Панкевич Н.В., Руденко В.В. Политические и правовые ценности Европейского союза и его стран-участниц: имеет ли пандемия COVID-19 трансформирующий потенциал? DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_55 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 55–80.

УДК 323.1:327.7:341.231.14

DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_55

Политические и правовые ценности Европейского союза и его стран-участниц: имеет ли пандемия COVID-19 трансформирующий потенциал?

Наталья Владимировна Панкевич

Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Валентина Викторовна Руденко

Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

*Поступила в редакцию 17.05.2021, поступила после рецензирования 05.07.2021,
принята к публикации 30.08.2021*

В статье проанализирован трансформирующий потенциал пандемии COVID-19 для системы ценностей Европейского союза и его стран-участниц на основе отдельных

© Панкевич Н.В., Руденко В.В., 2021

положений трансформационных теорий, подхода С. Валби к исследованию кризисных состояний, в рамках которых отсутствует пропорциональность между причиной и следствием, и идеи Э. Шилза о динамике взаимодействия в жизни социума ценностной и институциональной систем. Рассмотрены ценностные основания Европейского союза как интеграционного проекта. Оценен регуляторный потенциал наднациональных структур, действенность ценностей наднациональной общности в период пандемии COVID-19 как кризисного явления. Охарактеризованы коллизии ценностей на уровне стран – участниц Европейского союза и проанализированы их изменения в период пандемии COVID-19. Авторы делают вывод о том, что пандемия стала серьезным испытанием для стабильности ценностной системы Европейского союза и его стран-участниц. Политическая идентичность ЕС строится на базе общих ценностей, незыблемость которых рассматривается как одно из неоспоримых преимуществ данного объединения. Однако каскад кризисов, обусловленных пандемией COVID-19, показал, что укорененность многих из фундаментальных ценностей Европейского союза существенно переоценена. Обнаруживается существенная диспропорциональность мер реагирования и ключевых ценностей, которые лежат в основе союзного образования. Пандемия COVID-19 как вызов современности оказывает сложное и комплексное воздействие на ценности Европейского союза. Под ударом критики оказалась базовая европейская экономическая модель, основанная на признании рынка основным регулятором общественных отношений, но в то же время открылись дополнительные возможности для корректировки социальной политики. Обострился вопрос о месте прав человека как ценности в правовых системах стран – участниц Европейского союза. Проведенное исследование имеет значимость для дальнейших разработок практик реагирования на кризисные явления.

Ключевые слова: пандемия, ценности, права человека, реализация прав, COVID-19, Европейский союз

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии» (20-04-60337, руководитель – академик РАН В.Н. Руденко).

Political and Legal Values of the European Union and its Member States: Does the Covid-19 Pandemic Have Transformative Potential?

Natalia V. Pankevich

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Valentina V. Rudenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Received 17.05.2021, revised 05.07.2021, accepted 30.08.2021

Abstract. The article analyzes the transformative potential of the COVID-19 pandemic as regards to the value system of the European Union and its member states. The methodology of the research is informed by certain provisions of transformational theories, the approach of S. Walby conceiving the crisis as a state of disproportionality between cause and effect, and the idea of E. Shils about the dynamics of interaction of value and institutional systems. The value foundations of the EU as an integration project are considered. The article analyzes the regulatory potential of this supranational entity and the effectiveness of its values foundations the crisis COVID-19 pandemic. It discovers the values collisions at the level of the member states of the European Union and their changes during the COVID-19 pandemic. The authors conclude that the pandemic has become a serious test for the European Union and its members as polities built on the basis of common values which are considered as one of the indisputable advantages of this association. The cascade of crises caused by the COVID-19 pandemic questions the entrenchment of many of the fundamental values of the European Union and demonstrate that their rootedness is significantly overestimated. There is a significant disproportion of the response measures and the key values that underlie the Union. The COVID-19 pandemic impacts comprehensively the values of the European Union. The basic European economic model, based on the recognition of the market as the main regulator of public relations, has been criticized, but at the same time, additional opportunities have opened up for adjusting social policy. The status and place of human rights come again into discussion. The conducted research is important for the further development of practices for responding to crisis phenomena.

Keywords: pandemic; values; human rights; human rights implication; COVID-19; European Union

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60337: Optimization of socio-economic principles of regulation of modern societies in the context of the consequences of the coronavirus pandemic.

For citation: Pankevich N.V., Rudenko V.V. Political and Legal Values of the European Union and its Member States: Does the Covid-19 Pandemic Have Transformative Potential?, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 55-80. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_55.

Введение. Пандемическое распространение COVID-19, ставшее глобальным вызовом для всего человечества, прогнозируемо будет иметь для всего мира долгосрочные и масштабные экономические и социальные последствия. Однако их оценка с позиции настоящего времени в момент, когда пандемический процесс продолжает свое течение, представляет собой сложную теоретическую и практическую проблему.

С одной стороны, последствия кризиса реальны и измеримы. Уже сегодня, спустя год с небольшим от начала пандемии, человеческие потери в результате заболеваемости новым вирусом превышают для некоторых стран совокупные боевые потери с периода Первой мировой войны¹. Статистика демонстрирует радикальный спад в отдельных отраслях экономики и вызванный им экономический кризис в странах, зависимых от этих

¹ Полякова В., Котляр М. Число жертв COVID в США превысило боевые потери страны в трех войнах, 22.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/02/2021/603304bd9a794752befd939c> (дата обращения: 15.05.2021).

отраслей. На его фоне отмечается рост социальной уязвимости широких слоев населения, сокращение числа рабочих мест на рынке труда и доходов домохозяйств, повышается уровень бедности и сопутствующая ему радикализация протестных настроений. В совокупности подобные явления формируют «каскады» кризисов, которые комплексно влияют на проблемный профиль стоящих перед человечеством задач и отразятся на будущем социума и его конкретных представителей.

Однако необходимо отметить и флуктуационный характер подобных изменений, если рассматривать их только с перспективы экономики. Кризис в индустриях гостеприимства, обслуживания гражданских пассажиропотоков, общественного питания может сопровождаться взрывным ростом числа компаний на рынках телекоммуникаций, дистанционного образования и медицинского обслуживания, что не только компенсирует общие экономические потери, но и способствует прогрессивному развитию хозяйственных комплексов. Отложенный спрос периода эпидемии способен обеспечить пиковый подъем в индустриях и на рынках после отступления угрозы, восстановить утраченный экономический баланс и превысить его. В этом смысле пандемийные процессы оказывают влияние скорее не на инфраструктуру и человеческие коллективности, но в основном на конкретных индивидов¹, в большей или меньшей мере подверженных рискам.

С другой стороны, несмотря на видимые успехи в разработке вакцин и стабилизацию работы систем здравоохранения в целом ряде стран, пандемический процесс продолжает разворачиваться. Причем в отдельных странах его течение принимает поистине апокалиптический масштаб. В момент написания статьи в подобный «шторм» стремительно скатывается Индия, где после периода спада заболеваемости ежедневно фиксируется до 400 тыс. новых случаев заражения, что ведет к коллапсу системы здравоохранения². Подобное развитие не позволяет испытывать оптимизм и в отношении других стран, где эпидемический процесс в настоящее время более или менее контролируем. Поэтому реальное измерение потерь – дело далекого будущего, причем накопленный опыт оценки последствий различного рода природных, техногенных и военных катастроф свидетельствует о том, что данная оценка и десятилетия спустя будет многократно корректироваться (Almond 2006).

Вместе с тем в условиях невозможности оценки нетто-эффекта пандемии уже сегодня ситуация позволяет оценить ее трансформирующий потенциал в качественных категориях. Наблюдаемый ныне кризис является не только действительным событием (кризисом здравоохранения, экономики и государственного управления), обнаруживая материальные дефи-

¹ В отношении пандемии «испанки» данную мысль высказывает А.В. Кросби (Crosby 2003: 323).

² Miglani S., Varadhan S. PM Modi says India shaken by coronavirus “storm”, 25.04.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/india-coronavirus-cases-set-new-global-record-us-readies-help-2021-04-25/> (дата обращения: 15.05.2021).

циту и пределы возможностей социальных систем в контроле над последствиями массовой угрозы, но и объектом социального конструирования в процессе наделяния отдельных явлений и принимаемых мер социальным значением (Вагнер 2021). В этом смысле кризис пандемии открывает возможность конкурентной интерпретации происходящего, определения соразмерных угрозе мер реагирования и желательных исходов ситуации. Именно этот дискурсивный эффект, борьба вокруг определения социального измерения текущего кризиса имеет принципиальное значение для его исхода, поскольку задает вероятные направления трансформации политического и правового поля, которые определяют контуры новой нормальности постковидного мира.

Предположение о том, что мир-«после» пандемии будет в каких-то существенных чертах отличен от мира-«до» пандемии позволяет использовать аналитический потенциал теорий трансформации. В этой классической перспективе кризисам достаточно уверенно можно предписать функцию «креативной деструкции» (Шумпетер 1995: 52-54; Зомбарт 2008), смысл которой в очищении социального и экономического пространства от более неэффективных практик ведения хозяйственной деятельности и управления, в замене недостаточно успешных агентов развития на других, более способных к революционным стратегиям.

В то же время существующие теории трансформации вряд ли способны в полной мере быть инструментами анализа пандемийного процесса. Момент пандемии специфичен прежде всего своим непрогнозируемым, внезапным и катастрофическим характером, который разрывает логику линейного развития социальных систем. Это не результат истощения способностей социальной системы к адаптации в ходе развития, движимого крупными фоновыми и разворачивающимися в долговременной перспективе процессами совершенствования технологий и изменений среды, подобными тем, что описывает Ф. Бродель, говоря о длинном времени человечества (Бродель 1977). В этой логике события, несмотря на их возможный возмущающий эффект, играют существенно меньшую роль по отношению к общему материальному движению исторического процесса.

Метрика природных катастроф и эпидемий как событий в рамках длинного времени в данном случае не исключение. Большинство из них имеет локальный эффект и не ведет к существенным структурным изменениям. Считается, что лишь несколько исторических пандемий оказали глубокий трансформирующий эффект на общественное развитие. Существует достаточно устойчивый консенсус относительно эпидемии чумы XIV в., которая (на фоне глобального похолодания и вызванного им голода, а также крупных военных конфликтов континентального масштаба) выкосила от четверти до половины населения Европы, создала колоссальный дефицит труда и тем самым положила конец крепостному праву в Европе и открыла двери капиталистическому способу производства (Ruggie 1993: 153-157). Менее известна прокатившаяся по Европе, Азии, средиземноморскому региону Африки в XVI–XVIII вв. эпизоотия, которая привела к падежу

практически всего поголовья крупных сельскохозяйственных животных и вызвала дефицит физического труда (Mikhail 2013).

В обоих случаях трансформирующий социальное и политическое пространство эффект пандемий не был чистой производной от их катастрофического воздействия на хозяйственный уклад, «энергетический режим» (McNeill 2000: 323-325), определяющий достаточность хозяйственного ресурса для поддержания социальной стабильности и воспроизводства согласно действующей в соответствующий период социальной и экономической модели. Истощение адаптационных способностей общественной системы является необходимым условием превращения события в фактор, задающий новое направление ее развитию. Но собственно вектор трансформации определяет не дефицит возможностей для поддержания стабильности: несмотря на то, что объективно вызов был одинаков для всех, структурный эффект от катастрофических сбоев имел существенные отличия в разных обществах. Страны Европейского континента в XVI в. реагировали на потерю поголовья тягловых животных преимущественно освобождением трудового ресурса, что стало необходимым фактором дальнейшей индустриальной революции (Хикс 2006: 180-203). Османский Египет вплоть до XIX в. на потерю животной физической силы отвечал централизацией и огосударствлением земельной собственности как основы хозяйственного комплекса, силовым предпринимательством местных элит, усилением эксплуатации наличного принудительного человеческого труда (в том числе расширением в конце XVIII в. практики *corvée*, аналога барщины) (Mikhail 2013). Столь значимая разница реакций заставляет обратиться к поиску нематериальных факторов трансформации в основе кризисного развития.

Возможности трансформационных теорий, обращенных к процессам революционного характера, тоже достаточно ограничены для анализа трансформирующего потенциала современной пандемии. В силу своей спонтанности кризис пандемии в корне отличается от направленно формируемой не системными, но восходящими социальными силами революционной ситуации (которая также свидетельствует о длительно удерживаемых социальной системой дисфункциях), где момент кризиса является высшей точкой развития определенной системной логики. Однако еще большее значение в условиях пандемии имеет отсутствие агента, создающего напряжение кризиса и использующего его трансформирующий эффект в своих целях, что вносит в картину трансформации большую долю случайности.

Но если и теории эволюционного развития, и теории революционного слома не могут в полной мере отразить специфику бессубъектности и спонтанной событийности пандемии, то возникает вопрос, каким образом уже сейчас, с позиции настоящего, возможны оценка и прогноз эффекта катастрофической случайности на системное развитие, которое в принципе всегда отличается высокой степенью консервативности и наличием механизмов, купирующих повреждающее воздействие кризисов. На наш взгляд, ключ к ответу дает подход С. Валби. С точки зрения этой исследова-

тельности, кризисное состояние характеризуется отсутствием пропорциональности между причиной и следствием, событием и его следом в системе, определяющим разницу состояний «до» и «после» катастрофического сбоя (Walby 2015: 14-35).

Зафиксировать такую диспропорциональность можно с позиции «внутри» кризиса, исследуя его как актуальный процесс и даже не имея на данный момент возможности рассмотреть его как свершившийся факт с измеримыми статистически характеристиками потерь и закрытой номенклатурой состоявшихся изменений. На наш взгляд, решение данной задачи лежит в области анализа ценностных оснований, фиксирующих современное состояние социальных и политических систем. В этом смысле второй ключ к исследованию проблемы дает идея Э. Шилза (Shils 1975) о динамике взаимодействия в жизни социума ценностной и институциональной систем, где ценностная система выступает своего рода генетическим кодом, от которого производны институты и практики управления¹. Несоответствие практических действий, предназначенных для контроля над пандемией, ценностному заряду в центре общественных систем как раз и порождает свойственную моменту кризиса диспропорциональность, открывающую возможность перемен и определяющую их направленность.

Применимость данного подхода определяется тем фактом, что конституционализация базовых ценностных рядов служит сегодня одним из универсальных механизмов обеспечения легитимности государственных и надгосударственных образований. И хотя неспособность или нежелание страновых элит руководствоваться общепризнанными ценностями далеко не исключительное явление, в целом приверженность и уважение к человеческой жизни, свободе, равенству, социальной справедливости и другим гуманистическим ценностям выступают обязательным условием действия управленческих систем, задающим определенные нормативные ожидания от их функционирования. Следование фундаментальным ценностям рассматривается как атрибут сильной, стабильной и легитимной системы. И более того, существует устойчивый международный консенсус о том, что защита «всех прав человека и основных свобод для всех в соответствии с Уставом ООН» на современном этапе рассматривается как одна из ключевых обязанностей и «священный долг» государств (Венская декларация... 1993: ст. 1).

Наш анализ обращен к опыту именно таких политических образований, чье функционирование нормативно основано на эксплицитно сформулированных ценностях и принципах, поддержание которых имеет значение для действующих в них институтов и акторов. Поскольку в рамках подобных политий компромисс по поводу ключевых ценностей системно

¹ В российской политической науке познавательный потенциал методологии Э. Шилза был в полной мере реализован С. Каспэ при изучении процессов структурирования политических форм (Каспэ 2008: 30-40). Однако, на наш взгляд, область применения данного теоретического комплекса позволяет использовать его методологический подход и к ситуации пандемии.

исключается, именно здесь возможно оценить тот эффект, который оказывает пандемия на собственно нормативную систему, определяющую жизнь общества.

Ситуация пандемии ставит перед общественными системами задачи, реагирование на которые вызывает сомнение в действительности одних ценностей, закрепленных высшими рангами конституционных защит, и подтверждает значимость других, выявляет скрытые конфликты и расхождения между подразумеваемыми ценностями и методами практического управления. Иными словами, будущее общественных систем зависит от того, какими ценностями можно поступиться и как долго данное отступление будет удерживаться в новом состоянии общественной системы.

В этом случае диспропорциональность события и реакции на него может быть замерена в нескольких аспектах. Во-первых, важен вопрос, насколько кризис способен содержательно изменить подход к ключевым ценностям, насколько возможен компромисс между прагматическими требованиями момента, связанными с необходимостью реагировать на вызов пандемии, и фундаментальным характером ценностных оснований современных правопорядков. Содержательно данный конфликт предсказуемо разворачивается прежде всего в области регламентации политико-правового положения личности. Причем вопрос стоит не только о субстанциональных правах (таких как право на жизнь, человеческое достоинство, свобода слова, передвижения, собраний и пр.), но главным образом о фундаментальных режимах, призванных их защитить (равенство, верховенство права, защита меньшинств, демократическая легитимация общезначимых решений).

Во-вторых, диспропорциональность имеет временное измерение. Принципиально важно, насколько глубоко и длительно меры, предназначенные для реагирования на дискретную и имеющую мало шансов на повторение проблемную ситуацию, которой, очевидно, и является пандемия, внедряются в правовой и политический порядок, становясь частью новой нормальности. Ситуативным характером обладает, к примеру, временное отступление десяти стран Совета Европы от Европейской конвенции по правам человека (согласно ст. 15 данного договора) в условиях чрезвычайной ситуации и дальнейший возврат к стандартному режиму¹. Вряд ли также в большинстве случаев перенос выборов, состоявшийся, по данным на апрель 2021 г., в 69 странах², следует квалифицировать как атаку на демократию. В абсолютном большинстве стран подобные переносы сопро-

¹ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 5). Notifications under Article 15 of the Convention in the context of the COVID-19 pandemic. Full list as of 30 April 2021. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/webContent/62111354> (дата обращения: 15.05.2021).

² International Foundation for Electoral Systems. Global Impact of COVID-19 on Elections. Elections Postponed Due to COVID-19 (As of April 14, 2021). URL: https://www.ifes.org/sites/default/files/elections_postponed_due_to_covid-19.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

вождались назначением новых дат и были де-факто осуществлены позже в достаточно короткие сроки. Перенос выборов на неопределенный срок происходил в основном в нестабильных африканских и азиатских государствах, где ценности подконтрольности и сменяемости власти так и не стали базовыми принципами политического устройства. И здесь диспропорция вызова объективной ситуации и меры реагирования становится вполне очевидной.

В-третьих, значимым проявлением диспропорциональности является зазор между каскадным характером кризиса, проникающего во все функциональные системы и сегменты общественного уклада, и мерами, которые реализуются как ответ на него. В этом смысле ситуация пандемии может инструментально использоваться как «претекст»¹ для достижения иных, никак не связанных напрямую с пандемией целей направленного трансформирования общественной системы. Причем в отсутствие социального субъекта, конструирующего ситуацию кризиса извне системы, агентом, способным задействовать трансформирующий потенциал пандемии, первично являются уже наделенные властными полномочиями сектора социальной системы. Поэтому качество общественной реакции на привносимые изменения также становится важным индикатором, позволяющим определить направление воздействия кризиса на развитие общественной системы.

1. Ценностные основания в опыте Европейского союза: изменение ситуации-«до» кризиса. Существенный интерес в исследовании трансформационного потенциала пандемии в свете предложенного подхода представляет опыт Европейского союза (далее также – ЕС) и его стран-участниц, в значительной мере претендующих на мировое духовное лидерство именно как политические образования, в основании которых лежит согласованный публичный набор фундирующих ценностей. Даже учитывая неудачу конституционного проекта ЕС, необходимо признать если не в собственном смысле конституционный, то в полной мере основополагающий характер ключевого ряда, формирующего содержание оснований данного интеграционного проекта, в котором политические ценности приобретают выраженное нормативное измерение. Важным аспектом общественного статуса ценностного базиса является их укорененность в первичном учреждающем праве Союза, что предполагает не просто общественное политическое согласие по поводу их значимости, но и правовую определенность и защищенность. Именно стабильность данного ряда, задающего фактическую наполненность и институциональную архитектуру интеграционного образования, позволяет достаточно определенно установить качественную специфику центральной для ЕС ценностной системы в ситуации-«до» кризиса.

¹ Данный термин широко использует Amnesty International. См., напр.: Amnesty International. Covid-19 Crackdowns: Police and the Global Pandemic. Dec. 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/act30/3443/2020/en/> (дата обращения: 10.05.2021).

Два основополагающих договора – Договор о ЕС и Договор о функционировании ЕС – весьма четко формулируют данный ряд и делают его обязательным для всех участников, концептуализируя Союз как вдохновленный опытом европейской истории и ее «гуманистического наследия, давшего развитие универсальным ценностям неотчуждаемых прав человека, свободы, демократии, равенства и верховенства закона без внутренних границ», как единое «пространство свободы, безопасности и справедливости» (Treaty on European Union 2007: preamble, art. 3.2). Статьи 2, 3 Договора о ЕС устанавливают, что Союз основан на ценностях человеческого достоинства, уважения к правам человека, включая права людей, принадлежащих к меньшинствам, и общими для всех стран-участниц являются ценности плюрализма, недискриминации, справедливости, солидарности, равенства. Институт общего рынка и сопутствующие ему свободы, связанные с мобильностью, также укореняются в фундирующем политическом образовании ценностном ряду Договора о ЕС (ст. 3.3). Статья 6 Договора о ЕС подчиняет внутреннюю европейскую политику Европейской хартии об основных правах и Европейской конвенции о правах человека и вносит таким образом права человека и их защиту в состав первичного учредительного права ЕС, что требует согласованности всех прочих нормативных актов, а также политических решений, их принципов и положений. Более того, значимость основополагающих ценностей усиливается обязательством ЕС продвигать их в мировом масштабе средствами внешней экономической политики и дипломатии (ст. 21).

Следует обратить особое внимание на инновационность каталога прав в принятой в 2000 г. Хартии об основных правах (Charter of Fundamental Rights... 2000). Этот документ нового времени общей европейской истории, помимо традиционно закрепляемых прав, представляет также и права «третьего поколения», в том числе такие процедурные новации, как право на хорошее управление (ст. 41), окружающую среду (ст. 37), особые защиты отдельным категориям граждан в духе позитивной дискриминации (ст. 24–26, 34), существенно расширяя спектр прав и свобод личности и плотнее связывая функционирование государств соответствующими ценностными режимами равенства и недискриминации (ст. 20, 21).

Договор о функционировании Европейского союза (Treaty on the Functioning... 2009) подчиняет институциональную систему тем же ценностным принципам и обязывает органы управления руководствоваться заложенным в них потенциалом для всемерного устранения неравенства (ст. 8), социального исключения (ст. 9), всех форм дискриминации (ст. 10, 18), а также обеспечения широкого спектра прав и свобод личности. В преамбуле Договора говорится, что гарантом предоставления и соблюдения прав и свобод личности в этом случае становится широкое международное сообщество, согласованным действием стремящееся искоренить барьеры, разделяющие Европу, укрепить единство экономик, утвердить солидарность между странами. Одновременно, в рамках европейской системы разделения властей, обязанность защиты ключевых ценностей, прав и свобод граждан в полной мере ложится и на плечи государств-участников.

Кризис пандемии поставил под вопрос действительность значительного числа перечисленных ценностей и режимов их обеспечения как на уровне самого интегративного объединения, так и на национальном уровне.

2. Наднациональный режим vs государственный: ценностный конфликт. Ситуация пандемии стала важным тестом, позволяющим оценить не только действительную глубину интеграционных процессов и регуляторный потенциал наднациональных структур, но и действенность ценностей наднациональной общности, солидарности, единства. Рациональность ЕС предполагает наличие общего пространства экономики, социальной жизни, права как фундаментальной ценности, дающей начало таким производным, как сотрудничество, совместное консенсусное действие государств в интересах единого сообщества граждан Европы. В защиту данного принципа ст. 18, 20 Договора о функционировании ЕС устанавливают единое и равное гражданство для всех граждан государств – участников Союза, запрещая дискриминацию по этому признаку.

Ситуация пандемии мгновенно продемонстрировала функциональные дефициты европейского международного режима в деле обеспечения фундаментальных прав человека. Распространение вируса актуализировало традиционные способы реагирования на угрозу, характерные для мира государств с их изоляционизмом, контролем над границами, централизацией принудительных ресурсов, и показало, что в ситуации кризиса, как и на более раннем этапе европейской истории, вопросы действительного содержания, объема и доступа к реализации прав решаются преимущественно на государственном уровне и обнажают реальный диспаритет прав граждан разных стран ЕС.

Острота ситуации состоит в том, что обнаруживается существенная диспропорциональность мер реагирования и тех ключевых ценностей, которые заложены в основу союзного образования. Речь идет отнюдь не о реализации принципа субсидиарности, субсидиарность ЕС допускает и приветствует, указывая, что возникающие проблемы должны решаться на наиболее приближенном к гражданам уровне (Treaty on the Functioning... 2009: Protocol 2), но об остром кризисе солидарности, связывающей страны Европы в единое целое (Treaty on the Functioning... 2009: Preamble, art. 222).

В результате пандемии ценность европейской общности была поставлена под вопрос целым рядом действий национальных правительств. Меры по ограничению мобильности товаров, услуг и людей стали определяющими среди практических мер реагирования на кризисную ситуацию. Актуализация фактора внутренних границ стала значимой социальной проблемой в условиях, когда около 40% территории ЕС составляют пограничные регионы, и каждый третий европеец по разным причинам обращается за медицинской помощью к системе здравоохранения соседних стран, гражданином которых он не является (Opinion of the European Committee... 2020). Право ЕС регулирует подобные ситуации директивным образом, предписывая странам-участницам

кооперативный, солидарный и недискриминационный режим сотрудничества (Directive... 2011).

Пандемия подвергла серьезному испытанию единство общеевропейского пространства здравоохранения, на которое возлагались большие надежды как в плане централизованной помощи наиболее пострадавшим странам, так и в плане региональной межстрановой кооперации. В начале эпидемии стали обычными факты непредоставления помощи пациентам из перегруженных больниц соседних стран. Так, соседние европейские страны, где распространение COVID-19 шло по более плавным траекториям, не оказали достаточной помощи Италии и Испании, и те получили ее из России и Китая, что спровоцировало широкое обсуждение урона, нанесенного репутационному капиталу ЕС как сообществу ценностей, и проблем возрастания мягкой геополитической силы других стран¹.

О готовности национальных правительств пожертвовать европейской общностью ради самостоятельных стратегий борьбы с пандемией свидетельствует практика запрета вывоза медикаментов, расходных материалов, средств индивидуальной защиты за пределы национальных границ, бронирования еще на этапе разработки крупных партий вакцин исключительно для своих граждан. Эта практика дополняется усилиями по локализации экономической активности внутри суверенных границ, повышению контроля за сетями производства и поставок ключевых товаров и услуг, размещению стратегически важных для здравоохранения производств внутри национальных границ². В совокупности данные меры показывают, что сторонами общественного договора по-прежнему выступают скорее государство и граждане, нежели наднациональные общности.

Стоит обратить внимание и на трудности наднациональной координации в области обеспечения доступа населения к вакцинации. Централизованные закупки, сертификация и распределение объемов вакцин между странами – участницами ЕС подвергаются все более настойчивой критике. Неэффективность действий на наднациональном уровне усиливает изоляционистские и протекционистские тренды (Remmits, Sweijs 2020: 12), а также актуализирует сепаратистские настроения³. На европейском пространстве активно растет число партикуляристских проектов обеспечения преимущественного доступа к вакцине, возникают более узкие кооперации. Так, Франция, Германия, Нидерланды и Италия совместными усилиями создали Inclusive Vaccine Alliance. При этом отдельные стра-

¹Ivits E. Russland schickt Corona-Hilfe nach Italien – was sich Putin davon verspricht, 27.03.2020. URL: <https://www.stern.de/politik/ausland/coronavirus--was-sich-russland-von-der-hilfe-an-italien-verspricht--9198832.html> (дата обращения: 11.05.2021).

²Kaiser A. Wie Corona die Globalisierung bremsen könnte, 06.03.2020. URL: <https://www.manager-magazin.de/politik/weltwirtschaft/coronavirus-moegliche-abkehr-von-globalisierung-a-1305271.html> (дата обращения: 15.05.2021).

³Herblay L. La crise du Covid ou le début de la fin de l'Union européenne? 12.03.2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/la-crise-du-covid-ou-le-debut-de-la-fin-de-l-union-europeenne-20210312> (дата обращения: 15.05.2021).

ны реализуют самостоятельные стратегии в диверсификации поставок, налаживании производства и национальной сертификации (в том числе российской вакцины «Спутник V») в целях обеспечения более быстрого и полного доступа своего населения к вакцинам. Венгрия, Австрия и Словакия продемонстрировали (с разной степенью настойчивости и весьма различными практическими результатами) готовность действовать отдельно в интересах своих граждан и, соответственно, оппортунистически по отношению к партнерам по ЕС.

Данные меры отчетливо свидетельствуют о конфликтном потенциале, открывающем возможность восстановления более традиционной системы распределения регулятивных полномочий, а также о своего рода ковид-национализме, поскольку частные стратегии отдельных стран во многом идут вразрез с ценностями общности и солидарности, закрепленными на наднациональном уровне.

Кризис пандемии по крайней мере на коротком горизонте событий становится одновременно кризисом европейской идентичности и солидарности, производя мир, в котором национальные государства вновь берут реванш над объединяющими институтами.

3. Коллизии и трансформация ценностей на национальном уровне: в поисках баланса.

Рыночная экономика и социальное неравенство. Рыночный характер экономической модели является конституирующей основой европейского пространства в целом и стран, его составляющих. Глубокая укорененность рыночной модели как ценности имеет две важные социальные проекции. Во-первых, она во многом делегитимирует правительственное регулирование и возможность интервенции в экономическую сферу, даже если речь идет о социально значимых индустриях. Институциональной производной рыночной экономической модели является практика саморегулирования баланса спроса и предложения, снижения издержек и оптимизации. А с точки зрения присутствия государства данная модель претворяется в жизнь за счет приватизации в социальных и инфраструктурных отраслях экономики. Пандемийный процесс указал на критические пороки этой экономической модели, подрывающие возможности системы здравоохранения и ее способность к эффективной мобилизации организационных ресурсов в ответ на массовую угрозу. К началу пандемии Италия лишилась 15% совокупного коечного фонда из-за вызванного долговым кризисом снижения национальных расходов на здравоохранение (Арзаманова 2020). Накануне пандемии в ФРГ активно обсуждалась необходимость сокращения более чем половины больничных учреждений по причине их недостаточной рыночной эффективности¹. По сути, абсолютное большинство благополучных на фоне остального мира

¹ Bocken J. Eine bessere Versorgung ist nur mit halb so vielen Kliniken möglich // Bertelsmann Stiftung, 15.07.2019. URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/themen/aktuelle-meldungen/2019/juli/eine-bessere-versorgung-ist-nur-mit-halb-so-vielenkliniken-moeglich/> (дата обращения: 11.05.2021).

европейских стран вошли в пандемийный процесс с истощенным организационным и материальным ресурсом. Во-вторых, медируемый рынком доступ к базовым общественным благам, в том числе к медицинской помощи, основан на признании нормой субстанционального неравенства индивидов в зависимости от их персонального экономического ресурса. Солидарная система медицинского и социального страхования отчасти снимает остроту данной проблемы, но не решает ее принципиально: доступ к ключевому общественному благу остается неравным.

Кризис пандемии существенным образом изменил композицию ценностных установок граждан ЕС. Протестные настроения среди европейцев свидетельствуют о том, что население требует более радикальных мер по противодействию распространению инфекции и смягчению последствий пандемии. Акции протеста против ковид-ограничений прошли в Бельгии, Дании, Польше, Германии. Основные мотивы протестов во время COVID-19: требование лучшей защиты медицинских работников, привлечение внимания к последствиям отсутствия экономической и продовольственной безопасности, а также требование усиления государственной поддержки для минимизации этих последствий.

Европейцы хотят видеть не просто возвращение к допандемическому состоянию, но фундаментальные изменения в экономике. В частности, актуализируется запрос на усиление правительственного присутствия и участия в социально значимых секторах рынка при существенном расширении эгалитарного доступа к услугам социального характера. Европейцы хотят не только, чтобы медицинская помощь в связи с COVID-19 стала бесплатной, им нужны сильные и универсальные системы общественного здравоохранения. В Испании за это высказались 57% респондентов и 26 % были в целом согласны с тем, что частные больницы должны бесплатно лечить людей с симптомами COVID-19 (Zamore, Phillips 2020).

Данный общественный запрос обращен не только к системе здравоохранения. Назрела необходимость коррекции либеральной рыночной модели. В ряде стран ЕС в период пандемии получила существенную поддержку идея национализации стратегических компаний (ее разделяют 52% испанцев). Во Франции 68% опрошенных выступили за национализацию транспорта, энергетики и водного хозяйства и 60% – за национализацию фармацевтической промышленности (Zamore, Phillips 2020).

Пандемия привлекла внимание и к проблеме социального неравенства: по данным исследования, проведенного Центром международной кооперации, 64% опрошенных, в том числе в государствах ЕС, убеждены в необходимости мер для более справедливого распределения богатства и процветания их стран (Zamore, Phillips 2020). Широкую общественную поддержку получают программы, направленные на перераспределение доходов, в том числе посредством прямой монетарной помощи уязвимым слоям населения (73% испанцев высказались за предоставление социально незащищенным гражданам материальной поддержки в размере базового дохода). Забота об уязвимых слоях населения – высший приоритет и для немцев. В целом 84% европейцев поддерживают планы ЕС по обеспечению

гарантированного базового дохода (UBI) в государствах-членах (Zamore, Phillips 2020).

Распространение COVID-19 вызвало необходимость усиления социальной политики государства, что в своих проекциях выходит за пределы непосредственно кризиса пандемии. В рамках политики, направленной на выравнивание доходов населения, широкой общественной поддержкой пользуются меры по ослаблению корпоративной власти, расширению прав работников, субсидированию государством выплат по заработной плате, введению налогов «для богатых».

Меньшинства, недискриминация, равноправие. Переход центра тяжести в регулировании кризиса пандемии на уровень государств, таким образом, вновь ставит вопрос о содержании общественного договора и ответственности национального правительства перед социумом. Данный перенос открывает возможность отхода от либеральных моделей рыночной демократии в сторону более социализированного хозяйственного комплекса, оперирующего, при значительном правительственном участии, в интересах социального большинства.

Остроту проблемы определяет тот факт, что свыше тридцати лет жизни в «большом» европейском пространстве существенно сказались на структуре социумов государств-участников, способствуя накоплению «чужеродных» элементов. В результате внутриевропейских трудовых миграций в рамках единого рынка, а также в силу значимого притока иммигрантов неевропейского происхождения в основе современных государств Европы перестает находиться согласованная, объединенная общей судьбой, историей и идентичностью общность – народ, *nation*, *Volk*. В странах ЕС доля рожденного за рубежом населения типично находится в пределах 10–20% и может превышать 45% (Люксембург)¹. Это не просто показатель смешения разноразличных культурных и этнических групп, но и свидетельство острых социальных расколов в рамках европейского общества. Причем в отдельных странах ситуация может быть настолько разогретой, что наиболее консервативные национально ориентированные силы оценивают ее как канун гражданской войны².

Пандемийный процесс в расколоте общества обострил конфликт между ценностями равенства, недискриминации, солидарности, которые глубоко укоренены в первичном праве ЕС и конституционных нормах всех стран – участниц ЕС, и практическими мерами, реализованными в целях реагирования на угрозу общего характера. На уровне отдельных государств пандемия выявила радикальную диспропорциональность действий властных структур, в особенности силовых, в отношении различных

¹ OECD. International Migration Outlook, 2020. Foreign-born population (indicator). URL: <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-population.htm> (дата обращения: 15.05.2021).

² См., напр.: Willsher K. French Soldiers Accuse Government of Trying to Silence Warnings of Civil War, 10.05.2021. URL: https://www.theguardian.com/world/2021/may/10/french-soldiers-accuse-government-of-trying-to-silence-warnings-of-civil-war?CMP=Share_iOSApp_Other (дата обращения: 23.05.2021).

социальных групп в составе социумов. Под ударом предсказуемо оказались общности, характеризующиеся иной расовой, этнической, языковой принадлежностью и, как следствие данных субстанциональных отличий, пониженным социально-экономическим статусом. В силу понятных причин, связанных с многопоколенческим характером семей, скученностью проживания в менее комфортных условиях, невозможностью самоизоляции в силу физического характера труда и неспособностью сохранить доход через удаленные схемы трудовой деятельности, данные группы объективно оказались в большей мере подвержены риску заражения COVID-19.

Проблемным моментом здесь становится то, что в нестабильной ситуации пандемии такие общности рассматриваются не столько как первичная жертва инфекции, но главным образом как субъект, угрожающий общественной безопасности. В целом ряде стран Европейского союза по отношению к подобным группам были применены разнообразные дискриминационные меры: проверка документов, обыск, наложение штрафов, принудительное выселение. Более того, при реализации программ сдерживания инфекции государственные силовые машины были ориентированы не на отдельных индивидов, потенциальных нарушителей специальных режимов, но на целые общности.

Пристальное внимание силовых структур к подобным группам наблюдалось и ранее, но именно в период пандемии набор репрессивных практик был значительно расширен. Согласно European Union Agency for Fundamental Rights, в Болгарии, Словакии, Румынии, Греции, Бельгии, Нидерландах, Финляндии, Швеции, Германии, Франции, а также на Кипре систематически фиксировались случаи блокирования районов компактного проживания представителей расовых и этнических меньшинств¹. Речь идет не только о представителях новых миграционных волн. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы зафиксированы серийные нарушения прав традиционных для данных регионов меньшинств. В 2019–2020 гг. правительствами ряда стран были организованы милитаризованные рейды против цыганского населения. В рамках карантинных мер, предпринятых на как минимум сомнительных правовых основаниях по решению чрезвычайных органов, вне парламентского, судебного и медийного контроля, наблюдались блокирование поселений (в Словакии и Болгарии к реализации данных мер были привлечены войсковые подразделения)², лишение их жителей доступа к воде, поставкам продовольствия, гигиенических средств. Физическое блокирование означало также отказ представителям данных

¹FRA. Being Black in the EU. Second European Union Minorities and Discrimination Survey, 2019. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2019-being-black-in-the-eu-summary_en.pdf (дата обращения: 14.05.2021).

²Amnesty International. Stigmatizing Quarantines of Roma Settlements in Slovakia and Bulgaria, 17.04.2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur01/2156/2020/en/> (дата обращения: 14.05.2021).

³Amnesty International. Policing the Pandemic: Human Rights Violations in the Enforcement of COVID-19 Measures in Europe. 2020. P. 10.

групп в доступе на рынок труда, пусть и неформального, в доступе к доходу, а следовательно, к экономическому благополучию: согласно данным Amnesty International, медианный доход болгарских цыган с начала пандемии упал на 60%³.

Важно отметить, что в тот момент, когда для населения в целом происходит смягчение карантинных ограничений, подобные локализации продолжают их в полной мере испытывать. В отношении этнических меньшинств и этнически заселенных районов продолжают действовать комендантские часы, а полицейский контроль сохраняет свою интенсивность. Обращенность ограничений к отличным на фоне общества коллективностям как согласованным субъектам отрицает, помимо прочего, и такой основополагающий правовой принцип, как презумпция невиновности. По своей сути такие карантинные практики представляются вариантом произвольного задержания, применяемого к крупным контингентам населения, что противоречит установившимся нормам как национального, так и международного права (Deliberation... 2020).

Очевидно, что подобные меры, примененные пусть с меньшим размахом и на менее длительный период, являются наследием репрессивных практик периода Второй мировой войны, политики расовой гигиены. Природу данных акций отчетливо проявляет риторика, используемая для их легитимации. Так, Болгарское национальное движение, участник правительственной коалиции Болгарии, назвало цыган коллективной угрозой, в отношении которой репрессивные меры необходимы в целях защиты основного населения¹. С этой радикализованной точки зрения меньшинства умышленно пренебрегают карантинными мерами, а потому нуждаются в полицейском дисциплинировании.

Необходимо зафиксировать радикальный разрыв ограничительных карантинных практик, прагматически направленных на прерывание цепочек передачи инфекции от человека к человеку за счет увеличения социальной дистанции и снижения интенсивности контактов, с реальными практиками применения репрессивных и дискриминационных мер к отдельным группам населения под прикрытием карантинных режимов. Указанные меры выявляют значительную долю неискорененного институционального расизма в странах ЕС. Подобная динамика общественного развития представляет собой крайне опасный фактор, угрожающий всей системе кристаллизовавшихся со времен Второй мировой войны базовых европейских ценностей, включая правовое равенство граждан, которое не должно медирироваться их персональными особенностями и принадлежностью к тому или иному общественному сегменту.

Права человека и их ограничение. В период пандемии наметились значимые тенденции трансформации правового поля в области прав человека.

¹ Krasimirov A., Tsoleva T. Bulgaria's Roma say some coronavirus measures are discriminatory, 25.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-bulgaria-roma/bulgarias-roma-say-some-coronavirus-measures-are-discriminatory-1USKBN21B355> (дата обращения: 14.05.2021).

Во-первых, пандемия меняет представления о содержательном наполнении отдельных прав человека, преимущественно прав второго поколения (в частности, права на труд, права на медицинскую помощь, права на социальное обеспечение). Во-вторых, трансформируются механизмы реализации прав человека: получает распространение реализация прав в онлайн-режиме (в частности, права на труд, права на образование, права на справедливое судебное разбирательство), внедряются санитарно-гигиенические правила в механизмы реализации прав (права на собрание, права на свободу передвижения и др.). Очевидно, что внедрение онлайн-механизмов в реализацию прав продолжится и вне экстраординарного режима (в частности, достаточно позитивный опыт их применения зафиксирован в отношении права на образование и права на справедливое судебное разбирательство (Gori, Pahladsingh 2021)). Ситуация, в которой онлайн-режим становится единственным вариантом реализации отдельных прав, актуализирует вопрос о формировании новой группы прав человека – «цифровых прав» (Варламова 2019). В-третьих, необходимо зафиксировать нехватку легитимности решений, принимаемых на уровне государств – членов ЕС. Реализация данных решений потребовала введения дополнительных мер ответственности и активной роли органов правопорядка.

Разнообразие экстраординарных правовых режимов и мер, примененных на уровне отдельных стран – участниц ЕС, привело к разному объему ограничительных мер в пределах отдельного государства или даже отдельной территориальной единицы, что непосредственно отразилось на правовом положении лиц, к которым данные меры применены. Режим чрезвычайной ситуации был применен лишь в отдельных государствах (Франция, Италия), в Болгарии был введен режим чрезвычайной эпидемиологической ситуации, в Португалии – режим бедствия, в Испании и Румынии – режим повышенной готовности. Одни и те же права ограничивались в разной мере на территории отдельных государств – участников ЕС.

Показательна в этом плане реализация права на собрание. Мероприятия с участием более 5 тыс. человек были запрещены во Франции. Государственный совет Франции 13 июня 2020 г. постановил, что запрет публичных демонстраций допустим только при невозможности физического дистанцирования и соблюдения других превентивных мер, а также при превышении лимита в 5 тыс. участников. В результате публичные мероприятия были разрешены при условии, если их организаторы смогут гарантировать соблюдение мер социальной дистанции и гигиены. В то же время Государственный совет Бельгии отклонил обжалование запрета на проведение публичных мероприятий, мотивировав это тем, что запрет носит временный характер и условия запрета постоянно пересматриваются.

Настораживает тот факт, что изменяется правовая база введения ограничения прав человека. На национальном уровне наблюдается изменение подходов к ограничению прав человека: перевес в пользу исполнительной

власти, дефицит легитимности принимаемых властями решений, ограничения прав не отвечают критериям правовой определенности и пропорциональности. Так, венгерский парламент принял Акт о переходных положениях, который, по сути, заложил основы управления актами правительства. Попытки придать законность ограничениям прав человека исполнительными органами также были предприняты в Нидерландах и во Франции, но не увенчались успехом.

Ввиду нехватки легитимности решений, связанных с ограничением прав человека, все чаще задействуются органы конституционного контроля (конституционные суды в Румынии, Австрии, Хорватии, Словении оценивали конституционность мер противодействия распространению пандемии). Достаточно обширная судебная практика по вопросу реализации права на собрание сложилась в Испании. Высокий суд Галисии счел, что запрет на собрания является законным ввиду опасности заражения, в Арагоне, напротив, такой запрет был признан незаконным, поскольку право на собрание не ограничивается во время специального правового режима повышенной готовности, но предполагает использование специальных мер: применение закрытых транспортных средств, ношение масок и т.д. (Sentencia... 2020). После вынесения решения Высоким судом Галисии профсоюз, являвшийся заявителем по делу, обратился в Конституционный трибунал, который подтвердил законность конкретного запрета в связи с риском заражения (решение от 30 апреля 2020 г.) (Auto... 2020). Трибунал признал допустимым ограничение права на собрание, поскольку право на жизнь является приоритетным, а право на собрание не является абсолютным. Критерий соразмерности ограничения, по мнению Конституционного трибунала, также был соблюден: «...в данном случае ограничение права имеет цель, которая должна не только рассматриваться как законная, но и имеет достаточное конституционное основание во взаимосвязанных статьях Конституции 15 (гарантия неприкосновенности) и 43 (защита здоровья)» (Auto... 2020). Принятые профсоюзом меры, направленные на недопущение распространения инфекции (передвижение в маркированных автомобилях, в каждом из которых находится один протестующий), Трибунал посчитал недостаточными, поскольку такой вид протеста препятствует движению служб скорой помощи или свободному доступу в больницы, что недопустимо в условиях пандемии.

Реализация права на собрание в условиях необходимости соблюдения мер социального дистанцирования выявила высокий конфликтный потенциал, накопленный европейскими странами и связанный с проблематизацией общественного статуса силовых структур и необходимостью установления новых лимитов на их действия.

С одной стороны, в период пандемии формируется значимый запрос на безопасность, что предполагает активное вмешательство силовых структур в деятельность ассоциаций, и, в частности, ограничение права на собрание. Некоторые акции протеста вызвали полицейские расследования. Полиция Литвы расследовала восемь дел об административных правонарушениях, а также о нарушении общественного порядка

во время митинга Black Lives Matter в Вильнюсе. Полиция Швеции разогнала несколько антирасистских акций протеста, поскольку был превышен текущий лимит в 50 человек; 10 человек были арестованы и около 30 заключены под стражу после демонстрации в г. Гётеборг. Ирландская полиция расследовала случаи нарушения социального дистанцирования во время большой акции протеста в Дублине, заявив, что, хотя организаторы пытались установить меры социального дистанцирования, явка значительно превысила ожидания¹.

С другой стороны, подобные силовые вмешательства в деятельность общественных объединений часто избыточны. Смысл значительного расширения сферы компетенции и институциональных защит, предоставленных силовым структурам в период пандемии, выходит далеко за пределы логики борьбы с распространением инфекции. Во многих случаях принятые решения выводят деятельность силовых структур из-под действия общественных и медийных механизмов контроля, что не только не снимает вопрос о праве на собрание, а вместе с ним о свободе слова и свободе СМИ, но и максимально обостряет его. Пример такого расширения полицейского права мы находим во Франции, где 15 апреля 2021 г. Национальным собранием был принят Закон о глобальной безопасности, который был оценен экспертами по правам человека как несовместимый с нормами международного права², вызвал широкие общественные дебаты и массовые уличные протесты по всей стране и в итоге по заявлению более шестидесяти депутатов и премьер-министра был направлен для проверки в Конституционный совет³. Этот закон, в частности, запрещает съемку сотрудников полиции в ходе протестных акций, что обогатило французский тезаурус составов преступлений формулировкой «провокация по установлению личности» полицейского, жандарма, таможенника, а также его супруга, партнера или ребенка (ст. 24). Наказание за данное правонарушение – 5 лет заключения и штраф в 75 тыс. евро⁴.

Французский опыт расширения гарантий для силовых структур не уникален, схожие изменения вносятся и в специальное полицейское право в Германии. В Нидерландах расширение полицейских полномочий и практика введения комендантского часа также привели к массовым

¹ European Union Agency for Fundamental Rights. Coronavirus Pandemic in the EU – Fundamental Rights Implications. Bulletin No. 4. 2020. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2020-coronavirus-pandemic-eu-bulletin-july_en.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

² Willsher K. France security law incompatible with human rights, say UN experts, 04.12.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/04/france-security-law-incompatible-human-rights-un-experts> (дата обращения: 14.05.2021).

³ République Française. Assemblée nationale. Sécurité globale. Proposition de loi, 20.04.2021. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/dossiers/securite_globale1 (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ République Française. Proposition de loi pour une sécurité globale préservant les libertés. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000042563668/> (дата обращения: 15.05.2021).

уличным протестам. В перспективе данного исследования обнаружение подобных тенденций означает явную, угрожающую целостности ценностного ядра политико-правовой системы ЕС диспропорциональность глубоких системных реакций в ответ на дискретную ситуацию, которая вызывает к жизни изменения, предназначенные для внедрения в законодательство национального уровня на постоянный срок.

Заключение. Рассмотренные тенденции позволяют установить, что пандемия стала серьезным испытанием стабильности ценностной системы Европейского союза. Серьезность такого испытания, безусловно, состоит в том, что политическая идентичность ЕС и его стран-участниц строится вокруг саморефлексии в качестве сообщества, основанного на общих ценностях (*Wertegemeinschaft, Community of Values, Communauté de valeurs*), незыблемость которых рассматривается как одно из неоспоримых политических преимуществ данного объединения на фоне остального мира и условие его мирового лидерства.

Кризис вследствие пандемии COVID-19 вызвал множественные реакции, характеризующиеся значительной диспропорциональностью принятых мер как в плане содержательного соответствия сути вызовов, так и по глубине трансформирующего действия. Ряд изменений, предназначенных для купирования острых явлений пандемии, внедряются в качестве новых правовых основ, на которых будет строиться будущее европейских стран.

Всего через год после начала пандемии стало очевидно, что укорененность многих фундаментальных оснований здания европейской политики существенно переоценена. Данное утверждение отнюдь не означает печального прогноза для европейского проекта в целом, однако, учитывая специфику тех ценностей, которые были принесены в жертву кризисной ситуации, возможно говорить о некоторых тенденциях становления постпандемийного мира.

Практически мгновенно скомпрометированными оказались ценности европейской общности, солидарности и взаимопомощи. Общность рынков и правового пространства, подчинение партикулярных интересов единству принципов не устояли перед кризисной ситуацией. В ситуации-«после» стрессового воздействия пандемии может возникнуть реальность менее интегрированного европейского пространства, где принципы национальной государственности вновь будут играть существенно большую роль, чем в ситуации-«до» пандемии.

В то же время перенос основного объема обязательств по исполнению общественного договора на уровень государств актуализировал вопрос о составе политического сообщества, в интересах которого должен действовать правительственный аппарат. В условиях накопленного европейскими сообществами социального сверхразнообразия нарастают такие явления, как расизм и ксенофобия, остро проблематизируется вопрос социального большинства и меньшинства, о чем явственно свидетельствует отступление практически во всех странах от принципов равноправия и недискриминации, единства правового статуса всех граждан, независимо

от их персональных характеристик. И это в еще большей мере проблематизирует укорененность наиболее важных политических ценностей, их устойчивость в кризисной ситуации.

Общественный запрос на активность правительственных структур в целях прекращения распространения инфекции оказывает комплексное воздействие на направления трансформации ценностных систем. С одной стороны, под вопрос ставится базовая европейская экономическая модель, основанная на признании рынка основным регулятором общественных отношений. В то же время открываются возможности для становления более социализированных форматов хозяйственной деятельности во всех сегментах экономики. Однако из того же корня проистрастает и диспропорциональное целям реагирования и временному характеру ситуации возвышение силовых структур над другими социальными институтами.

Пандемия обострила вопрос о месте прав человека как ценности в правовых системах государств – членов ЕС. Нарушение порядка ограничения прав человека может, с одной стороны, свидетельствовать об обесценивании прав человека, но, с другой стороны, права человека могут рассматриваться как средство для выявления слабостей правовой системы и служить ориентиром для их исправления (Saunders 2020).

Поскольку пандемия COVID-19 далеко не единственная экстраординарная ситуация, с которой европейское сообщество может столкнуться в будущем, стабильность ЕС в период-«после» пандемии потребует существенной рефлексии относительно ценностного ряда, фундирующего ЕС, и коррекции практик в ответ на вызов внезапных и непрогнозируемых кризисных явлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арзаманова Т. 2020. Первые уроки первой пандемии XXI в. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Июнь. № 57(73). С. 2-12.

Бродель Ф. 1977. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / общ. ред. и вступ. ст. И.С. Кона. Москва : Прогресс. С. 115-142.

Вагнер П. 2021. Ковид, ВИЧ/СПИД и «испанка»: исторические вехи и социальные трансформации // Логос. Т. 31, № 1(140). С. 65-82. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-1-65-80.

Варламова Н.В. 2019. Цифровые права – новое поколение прав? // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 14. № 4. С. 9-46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova.

Зомбарт В. 2008. Собрание сочинений. Т. 3. Война и капитализм. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 480 с.

Каспэ С. 2008. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. Москва : Моск. шк. полит. исслед. 318 с.

Хикс Д. 2006. Теория экономической истории. Москва : НП «Журнал Вопросы экономики». 224 с.

Шумпетер Й. 1995. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. Москва : Экономика. 540 с.

Almond D. 2006. Is the 1918 Influenza Pandemic Over? Long-term Effect of In Utero Influenza Exposure in the Post-1940 U.S. Population // *Journal of Political Economy*. Vol. 114, № 4. P. 672-712. DOI: 10.1086/507154.

Crosby A.W. 2003. *America's Forgotten Pandemic: The Influenza of 1918*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 356 p.

Gori P., Pahladsingh A. 2021. Fundamental rights under Covid-19: an European perspective on videoconferencing in court // *ERA Forum*. Vol. 21. P. 561-577. DOI: 10.1007/s12027-020-00643-5. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12027-020-00643-5.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

McNeill J.R. 2000. *Something New under the Sun: An Environmental History of the Twentieth-Century World*. New York : W.W. Norton & Company. 452 p.

Mikhail A. 2013. Unleashing the Beast: Animals, Energy, and the Economy of Labor in Ottoman Egypt // *The American Historical Review*. Vol. 118, iss. 2. P. 317-348.

Remmits F., Sweijs T. 2020. The Security Implications of the Pandemic: COVID-19 and European Security // *Atlantisch Perspectief*. Vol. 44, № 6. P. 11-16.

Ruggie J. 1993. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International organization*. Vol. 47, № 1. P. 139-174.

Saunders J. 2020. Oxfam discussion paper. Covid-19 and Key Human Rights principles in Practice: State Obligations and Business' Responsibilities in Responding to the Pandemic. DOI: 10.21201/2020.6331. URL: <https://policy-practice.oxfam.org/resources/covid-19-and-key-human-rights-principles-in-practice-state-obligations-and-busi-621037/> (дата обращения: 15.05.2021).

Shils E. 1975. *Center and Periphery: essays on Macrosociology*. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press. VI, 516 p.

Walby S. 2015. *Crisis*. Cambridge : Polity Press. VIII, 211 p.

Zamore L., Phillips B. 2020. COVID-19 and public support for radical policies. URL: <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).

Венская декларация и программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека в Вене 25 июня 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 15.05.2021).

Treaty on European Union (TEU), 2007. Current consolidated version: 01.03.2020 // *Official Journal of the European Union*. 2020/C 202/1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016ME%2FTXT>

Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU), 2009. Current consolidated version: 01.03.2020 // *Official Journal of the European Union*. 2020/C 202/1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016ME%2FTXT>

Charter of Fundamental Rights of the European Union. Created on October 2, 2000, ratified on December 7, 2000 // *Official Journal of the European Union*. 2000/C 364/01. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf

Directive 2011/24/EU OF THE European Parliament and of the Council of 9 March 2014 on the application of patients' rights in cross-border healthcare // *Official Journal of the European Union*. 2011 L 88/45. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2011/24/oj>

Opinion of the European Committee of the Regions – Implementation and future perspectives for cross-border healthcare (2020/C 440/03) // *Official Journal of the European Union*. 2020/C 440/10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019AR4597&rid=4>

Deliberation No. 11 on prevention of arbitrary deprivation of liberty in the context of public health emergencies / UN Working Group on Arbitrary Detention. Advanced Version 08.05.2020. Ch. VII–VIII. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Detention/DeliberationNo11.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

Sentencia Contencioso-Administrativo Nº 151/2020. Tribunal Superior de Justicia de Aragon. Sala de lo Contencioso. Sección 1. Rec 112/2020 de 30 de Abril de 2020. URL: <https://www.iberley.es/jurisprudencia/sentencia-contencioso-administrativo-n-151-2020-tsj-aragon-sala-contencioso-sec-1-rec-112-2020-30-04-2020-48237761> (дата обращения: 08.05.2021).

Auto 40/2020, de 30 de abril de 2020, Recurso de amparo 2056-2020. URL: <https://hj.tribunalconstitucional.es/es/Resolucion/Show/26279> (дата обращения: 08.05.2021).

References

Almond D. Is the 1918 Influenza Pandemic Over? Long-term Effect of In Utero Influenza Exposure in the Post-1940 U.S. Population, *Journal of Political Economy*, 2006, vol. 114, no. 4, pp. 672–712. DOI: 10.1086/507154.

Arzamanova T. The First Lessons of the First Pandemic of the XXI Century, *European security: events, assessments, forecasts*, 2020, June, no. 57(73), pp. 2–12. (in Russ.).

Braudel F. On History, *I.S. Kon (ed.) Filosofiya i metodologiya istorii*, Moscow, Progress, 1977, pp. 115–142. (in Russ.).

Charter of Fundamental Rights of the European Union. Created on October 2, 2000, ratified on December 7, 2000, *Official Journal of the European Union*, 2000/C 364/01, available at: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed May 15, 2021).

Contentious-Administrative Judgment No. 151/2020. High Court of Justice of Aragon. Litigation Chamber. Section 1. Rec 112/2020 of 30 April 2020, available at: <https://www.iberley.es/jurisprudencia/sentencia-contencioso-administrativo-n-151-2020-tsj-aragon-sala-contencioso-sec-1-rec-112-2020-30-04-2020-48237761> (accessed May 08, 2021). (in Spanish).

Crosby A.W. *America's Forgotten Pandemic: The Influenza of 1918*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003, 356 p.

Deliberation No. 11 on prevention of arbitrary deprivation of liberty in the context of public health emergencies, UN Working Group on Arbitrary Detention, Advanced Version 08.05.2020, ch. VII–VIII, available at: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Detention/DeliberationNo11.pdf> (accessed May 15, 2021).

Directive 2011/24/EU OF THE European Parliament and of the Council of 9 March 2014 on the application of patients' rights in cross-border healthcare, *Official Journal of the European Union*, 2011 L 88/45, available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2011/24/oj> (accessed May 15, 2021).

Gori P., Pahladsingh A. Fundamental rights under Covid-19: an European perspective on videoconferencing in court, *ERA Forum*, 2021, vol. 21, pp. 561–577. DOI: 10.1007/s12027-020-00643-5, available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12027-020-00643-5.pdf> (accessed May 15, 2021).

Hicks J.R. *A Theory of Economic History*, Moscow, NP “Zhurnal Voprosy ekonomiki”, 2006, 224 p. (in Russ.).

Kaspe S. *Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and Western Political Form*, Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2008, 318 p. (in Russ.).

McNeill J.R. *Something New under the Sun: An Environmental History of the Twentieth-Century World*, New York, W.W. Norton & Company, 2000, 452 p.

Mikhail A. Unleashing the Beast: Animals, Energy, and the Economy of Labor in Ottoman Egypt, *The American Historical Review*, 2013, vol. 118, iss. 2, pp. 317-348.

Opinion of the European Committee of the Regions – Implementation and future perspectives for cross-border healthcare (2020/C 440/03), *Official Journal of the European Union*, 2020/C 440/10, available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019AR4597&rid=4> (accessed May 15, 2021).

Order 40/2020, of 30 April 2020, Amparo appeal 2056-2020, available at: <https://hj.tribunalconstitucional.es/es/Resolucion/Show/26279> (accessed May 08, 2021). (in Spanish).

Remmits F., Sweijs T. The Security Implications of the Pandemic: COVID-19 and European Security, *Atlantisch Perspectief*, 2020, vol. 44, no. 6, pp. 11-16.

Ruggie J. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations, *International organization*, 1993, vol. 47, no. 1, pp. 139-174.

Saunders J. *Oxfam discussion paper. Covid-19 and Key Human Rights principles in Practice: State Obligations and Business' Responsibilities in Responding to the Pandemic*, 2020. DOI: 10.21201/2020.6331, available at: <https://policy-practice.oxfam.org/resources/covid-19-and-key-human-rights-principles-in-practice-state-obligations-and-busi-621037/> (accessed May 15, 2021).

Schumpeter J. *Capitalism, socialism and democracy*, Moscow, Ekonomika, 1995, 540 p. (in Russ.).

Shils E. *Center and Periphery: essays on Macrosociology*, Chicago, London, Univ. of Chicago Press, 1975, vi, 516 p.

Sombart W. *Works. Vol. 3. War and Capitalism*, St. Petersburg, Vladimir Dal', 480 p. (in Russ.).

Treaty on European Union (TEU), 2007. Current consolidated version: 01.03.2020, *Official Journal of the European Union*, 2020/C 202/1, available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016ME%2FTXT> (accessed May 15, 2021).

Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU), 2009. Current consolidated version: 01.03.2020, *Official Journal of the European Union*, 2020/C 202/1, available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016ME%2FTXT> (accessed May 15, 2021).

Varlamova N.V. Digital Rights – New Generation of Human Rights?, *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 9-46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova. (in Russ.).

Vienna Declaration and Programme of Action : Adopted by the World Conference on Human Rights in Vienna on 25 June 1993, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (accessed May 15, 2021). (in Russ.).

Wagner P. COVID-19, HIV/AIDS, and the “Spanish Flu”: Historical Moments and Social Transformations, *Logos*, 2021, vol. 31, no. 1(140), pp. 65-82. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-1-65-80. (in Russ.).

Walby S. *Crisis*, Cambridge, Polity Press, 2015, viii, 211 p.

Zamore L., Phillips B. *COVID-19 and public support for radical policies*, 2020, available at: <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf> (accessed May 14, 2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Панкевич

кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7661-1754>;
ResearcherID: AAO-9803-2021;
SPIN-код: 8940-7486;
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Валентина Викторовна Руденко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6641-691X>;
ResearcherID: N-6495-2016;
SPIN-код: 4985-2588;
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Pankevich

Candidate of political sciences, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7661-1754>;
ResearcherID: AAO-9803-2021;
SPIN-код: 8940-7486;
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Valentina V. Rudenko

Candidate of law, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
<http://orcid.org/0000-0002-6641-691X>;
ResearcherID: N-6495-2016;
SPIN-код: 4985-2588;
E-mail: emikh.valentina@gmail.com